

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ЧЕРТОВО
БОЛОТО

Александр Беляев

Чертово болото

«Public Domain»

1931

Беляев А. Р.

Чертово болото / А. Р. Беляев — «Public Domain», 1931

«Было болото. И был мальчик. Болото называлось Чертовым, мальчика звали Панасиком, а по школьному прозвищу Кулик. И в самом деле, как не Кулик: длинноносый, у болота живет и болото хвалит...»

Содержание

Кулик и болото	5
Первые ласточки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Беляев

Чертово болото

Кулик и болото

Было болото. И был мальчик. Болото называлось Чертовым, мальчика звали Панасиком, а по школьному прозвищу Кулик. И в самом деле, как не Кулик: длинноносый, у болота живет и болото хвалит.

Отца у Кулика не было – пропал в Гражданскую войну. Мать умерла еще раньше. Жил Кулик с дедом Микитой, лесником. Их избушка стояла у края соснового леса, на песчаном бугре, а дальше начиналось болото. На Украине много таких мест: сосна, лесок, сушь, и тут же рядом болото – конца-краю не видно.

До поступления в школу совсем одиноко жил Кулик. Дед, нелюдимый, угрюмый старик, целыми днями пропадал в лесах. Кроме него, Кулик только и видел людей – Панаса Утеклого. Когда-то давно, при царизме, Панас за что-то был сослан на каторгу и бежал оттуда. Так и пошло за ним: Утеклый. Он был веселый, бездомный охотник и балагур. Иногда Утеклый ночевал в избушке Микиты и на ночь пугал Панасика сказками про болотных чертей. Иногда брал с собою на охоту. Но Утеклый неожиданно появлялся, чаще всего по весне и осенью, и так же неожиданно надолго исчезал. И Кулик оставался один со своим болотом. Привык к нему и даже полюбил. Полюбил кислые болотные запахи, болотные вздохи и всхлипывания, болотные мхи и травы: трилистник, сабельник, касатник, осоку, полюбил птиц болотных.

Дед строго наказывал:

– Не шляйся по болоту. В окнище провалишься, пропадешь!

Крестьяне, жившие по соседству, жаловались на Чертово болото: дух от него тяжелый, болеют люди, комары одолевают, скотина гибнет... И столько земли даром пропадает!

– Богом проклята сия земля, – говорили старики.

– Черт плюнул на это место. Плюнул, да копытом растереть забыл. Оттого и болото, – объяснял Утеклый.

Но Панасик, с тех пор как стал ходить в школу, уже не верил ни в бога, ни в черта.

– Болото образуется оттого, что почва пропитывается стоячей водой, – возражал он Утеклому, – или от зарастания рек с медленным течением, озер, прудов. Нам учитель говорил. Растения сперва плавают в воде, образуют зыбуны, на зыбунах появляются торфяные мхи. Зыбуны опускаются, мхи нарастают. И выйдет торфяное болото. Поселяются торфяные мхи и на твердой почве, в сосновых лесах. Так образуется торф. А торф – топливо.

– Образуются, образуются... – ворчал Утеклый, заряжая старое шомпольное ружьецо. – Больно образованные все стали! Мохом топить выдумали... Глупости это все! Болото и есть болото. Чертова плевательница – и больше ничего. От него одна польза – охотнику. Птицы тут действительно сила.

– Ученый человек и от болота пользу получить может, – не сдавался Панасик.

– Получишь! Держи карман, ученый Кулик! Отец твой был лесником, дед лесник, и ты лесником будешь. Так лесником и помрешь, как болотная лягушка. Болото тебя не накормит. Видишь эту траву? Ее и коровы не едят. Болото в люди не выведет.

– Выведет! – упрямо выкрикнул Панасик. Правду сказать, в эту минуту он сам мало верил, что болото может вывести его в люди, но не мог не возразить Утеклому – уж очень за болото обиделся.

– Видал я, как болото людей в люди выводит, – не уступал и Утеклый. – Однажды, когда я из Сибири бежал, пришлось мне на торфяные разработки попасть. Затесался в рабочие, там

пачпорта не спрашивали, всякого брали, потому что сезонники на эту работу шли неохотно. Ну и жизнь, действительно! В каторге лучше было, истинное слово! Стоишь по пояс в воде, в грязи, лопатой зловонную жижу выгребаешь. Мошкара, гнус, комары одолевают. Лицо, руки, спина кровью обливаются. И через день-два лихоманка треплет. А работать приходилось от зари до зари. Рабочие – в грязных бараках, почитай, все больны и как сумасшедшие: невесть что лопочут, выкрикивают, горят, как в огне, бредят, значит. Посмотрел я на этот торф, тоска взяла смертная. Хоть на каторгу назад возвращайся! Плюнул, ушел. Только тем и жив остался. Вот оно куда твое болото выводит! Прямым сообщением на погост.

– Это при царизме так было, а теперь будет иначе, – важно ответил Панасик.

– Болото болотом и останется. Что царское, что советское. Тсс!.. Не дыши! Тузик стойку делает!

Разве с Утеклым сговоришься?..

Первые ласточки

Однажды в начале июля бродил Панасик у края леса возле болота. На пригорке сухо шумят сосны, дубки лопочут своими плотными листьями, осины трепещут, словно топор дровосека увидали. Сзади лес, а впереди болото. Меж острых, уду бритва, жестких болотных трав кое-где вода поблескивает. Местами островки черной, как уголь, земли виднеются – это торф. Там, где июльское солнце подсушило, черный цвет Переходит в бурый.

Прилег Панасик на травку, засмотрелся. Летит цапля через болото. Слово белый платок с черными угольками ветром подхвачен и треплется... Ястреб «стойку» делает. Увидели зоркие глаза хищника пичугу малую. Не уйти ей от острых когтей, не укрыться. Трепещет ястреб серыми крыльями, вот-вот камнем вниз кинется... Крикнет пичуга в последний раз...

– Эй, хлопчик! – слышит Панасик и оглядывается.

На дороге, возле леса, стоит экипаж, парой буланых запряженный. В экипаже сидят двое городских с портфелями. Один – толстый, в очках. Другой – худой, на целых две головы выше. А возле экипажа верховой, в серой кепке, черной рубашке, полосатых брюках, внизу сколотых, чтобы вверх не лезли, и желтых башмаках. Не то городской, не то конторщик из соседнего лесничества. Тихо подъехали, не слышно – почва песчаная, мягкая.

Поднялся Панасик, не спеша подошел к экипажу. На Панасике рубашка синяя, латаная, до белизны вылинявшая, короткие штанишки, ноги босы, голова не покрыта. Обыкновенный деревенский мальчик.

– Болото знаешь? По болоту проводить можешь? – спрашивает верховой и прутиком на городских указывает.

– А то нет? – обиженно отвечает Панасик. А у самого от радости сердце екнуло: начинается! Городские приехали, болотом интересуются!

И он важно повел горожан по болоту. Толстый, в очках, ступает с опаской, а худой, высокий, шагает, как цапля.

– Торфа тут до черта, – небрежно роняет Панасик.

– Что-о? – удивляется высокий. – Так ты знаешь, зачем мы приехали?

– Догадаться нетрудно, – отвечает Панасик. – Ружей с вами нет, а чем еще торфяное болото интересовать может.

– А ты откуда о торфе знаешь?

– Я в школе учусь. – Помолчав, Панасик продолжал: – Болот у нас в СССР десять процентов территории. Запасы торфа больше двухсот миллиардов тонн. Семьдесят восемь процентов мировых запасов. Если разработать, для всех фабрик и заводов на тыщу лет хватит, а то и больше, потому торф растет. И для снабжения районных электростанций хватит торфа. На местное топливо, значит, их перевести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.